

Звездочка.

Далеко-далеко, на небе, жила маленькая Звездочка.

На самом деле она была не такая уж маленькая – не меньше и не больше многих звезд, просто она находилась далеко от Земли.

И светила она ярко-ярко, даже ярче, чем близко расположенные от Земли звезды. Именно яркий свет делал ее такой заметной на небосклоне.

Когда наступала ночь, все звезды вспыхивали на небе волшебным калейдоскопом. И звездочка тоже вспыхивала. И тут же она начинала светить еще ярче, потому, что, немного стеснялась. Именно в этот момент ее светлое сияние приобретало розовый оттенок.

Она опускала свои пушистые реснички и стеснялась собственной яркости. Она была великолепна! Звездочке нравилось вспыхивать и быть заметной, но это был ее секрет, и потому, наверное, она испытывала стеснение.

Она стеснялась своих подружек-звезд, и звезд постарше и даже себя, когда чувствовала свой необычный свет. Так бывает, когда ты знаешь про себя как будто что-то особенное, и тебе неловко перед другими.

Но шли годы, и звездочка привыкла, и даже стала себе нравиться, не утратив при этом волшебного розового излучения.

В ветреную погоду она танцевала, - прихватив края платица, звездочка кружила, кружила, кружила на небосклоне и полыхала необыкновенным малиновым светом.

Но однажды Звездочка грустила, потому, что ей захотелось нравиться не только себе. Ей так хотелось сиять для кого-то. Для кого-то особенного!

А на Земле жил Астроном. Каждый вечер он поднимался в обсерваторию, расположенную на крыше его дома, и примыкал к телескопу.

Он жадно всматривался в звездное небо, отмечая в своей тетрадке падение или появление новой звезды.

Он знал тысячи, миллиарды звезд. Одни, вновь появившиеся обозначал номерами и записывал в толстую тетрадь, другие, гаснущие – вычеркивал. И так каждый вечер.

Под утро он уходил вниз и завтракал, продолжая смотреть на небо.

И однажды утром, когда он ел свою любимую яичницу он, вдруг, увидел в небе странное явление. На небе, где еще мерцали тусклым холодным светом знакомые ему звезды, будто всплески тут и там виднелось розовое свечение.

- Это что еще такое? - подумал Астроном и чуть не подавился яичницей.

Он рванул наверх и прильнул к телескопу. «Что за чудо!» воскликнул он, увидев Звездочку.

Это Звездочка от скуки решила:

- Вот сейчас я как начну танцевать! Все звезды погаснут, а я буду светить ярко-ярко, и меня кто-нибудь обязательно заметит!

Астроном так и не смог оторвать глаз от Звездочки, и смотрел на нее, пока не наступил рассвет.

Теперь каждый вечер он поднимался на крышу и смотрел в телескоп только ради одной звезды. Он даже дал ей имя.

Он забросил свою толстую тетрадь и забыл про все другие звезды.

Звездочка почувствовала, что кто-то на нее смотрит, и каждый вечер она стала надевать самые красивые свои платья и вновь и вновь опускала ресницы, гордо вышагивая по небу, и светила так ярко, как никогда в жизни!

Теперь она знала, что нужна, и радовалась так, как только умеют звезды.

Но время шло, и Звездочка опять загрустила. Она догадалась об Астрономе и даже мигала ему в надежде, что он заметит ее послание.

Но Астроном только смотрел на нее, восторгаясь ее мерцанием.

А Звездочке так хотелось приблизиться к нему, ей так хотелось, чтобы он узнал, что ее сияние не только блеск, характерный для многих и многих звезд.

Она мечтала, что когда-нибудь Астроном примчится к ней на каком-нибудь летающем корабле (она видела иногда людей на таинственных кораблях, проплывающих мимо звезд) и узнает, что она не только светит для него, но, как и близкая, к Земле звезда-Солнце может согревать.

Особенно теплой она становилась, когда радовалась и, когда стеснялась. Потому-то ее сияние розовело.

Если ты когда-нибудь посмотришь на небо перед самым рассветом, то сможешь увидеть танцующую розовую Звезду.

Помаша ей рукой, и ей станет веселее.

И если однажды ты встретишь Астронома, напомни ему о его Звезде. Она все так же его ждет и хочет открыть ему тайну о том, что звезды это маленькие солнышки, мечтающие дарить не только свет, но и тепло.

История печального муравьишки

Солнце поднялось над зеленой поляной.

Оно осмотрелось и успокоилось, убедившись, что все вокруг существует согласно законам природы, и засияло еще ярче.

Так Солнце улыбалось, согревая мир своим теплом. «Все должно быть в порядке» подумало Солнце.

У Солнца было свое представление о порядке. Оно отличалось от "человеческого" понимания порядка.

По мнению Солнца, люди часто нарушали гармонию природы своими «творениями». А они-то вытворять умели.

Вот и снова Солнце осветило своими лучами брошенный кем-то бумажный стакан. Он валялся у красивого куста с розовыми цветами. Вокруг куста кружили бабочки и суетились муравьи. Солнце поморщилось глядя на «непорядок», и на него набежала тучка.

Надвигающаяся тень быстро заставила всех насекомых разбежаться. Солнце смахнуло тучу и коснулось лучом куста. Рядом возвышался муравейник.

- Дааа, вот у кого некоторым людям стоит поучиться! - подумало солнце.

- Муравьи – вечные, неутомимые труженики. С утра до ночи они таскают соломинки, возводя муравейник, чистят территорию, пасут тлю и заботятся о потомстве.

- Странный... - вдруг подумало Солнце, увидев печального муравьишку, сидящего поодаль от муравейника. Он забрался на самую вершину травинки и смотрел на него – на Солнце.

Солнце погладило его лучом и прошептало:

- Что ж ты такой печальный, малыш?

А муравьишка вздохнул, и отправился к дому-муравейнику. Он решил, что Солнце с ним прощается и поспешил домой к другим муравьям.

- Странный! - опять подумало Солнце.

Так думали и другие муравьи в муравейнике.

Так думал и сам муравьишка.

- Все муравьи такие ловкие и быстрые, все так ладно у них получается – и травинки вязать и таскать соломинки, а я такой неуклюжий, и травинки с меня сваливаются, и листочки, а уж доить тлю, дающую вкуснейшее молоко.... куда мне.

- Оооох! - муравьишка вздохнул и снова запечалился.

Другие муравьи над ним лишь подшучивали и так и звали «печальный муравьишка».

Но его печаль не всегда была грустной.

Вечерами, до закрытия муравейника, он убегал и забирался на заветную травинку, ту самую, где его застало Солнце.

Там его печаль становилась светлой – он смотрел на Солнце и мечтал, что однажды сможет взлететь как бабочка туда, ближе к солнцу, и увидеть всю их муравьиную поляну оттуда с высоты.

Вот и сейчас он вернулся в муравейник, окрыленный своей мечтой.

- Ты только посмотри на этого чудака! Опять где-то болтался! – качая головой, сказал муравей-охранник своему сослуживцу. Тот лишь усмехнулся в ответ и махнул рукой.

Мечты муравьишки тут же рассеялись и он, опустив голову, побрел в свою комнату. Но так и не смог успокоиться. Он ходил по комнате из угла в угол и размышлял:

- Все, завтра начинаю новую жизнь!

Это была девяносто девятая попытка.

Каждый раз, возвращаясь с небес на землю, муравьишка начинал «новую жизнь».

Он писал план на цветных листочках, делал упражнения, рекомендованные Великими рабочими муравьями, чтобы овладеть искусством таскания палочек, и даже пытался освоить технику для пальцев, чтобы стать ловким доителем гли.

Среди прочих листочков валялся его автопортрет. Увидев его, муравьишка еще больше разозлился:

- Тоже мне, Великий художник! - и выбросил его в мусорное ведро, продолжая ворчать сам н себя:

- Не можешь даже самую маленькую травинку ровно положить!

На самом деле муравьишка так не думал, просто так когда-то ворчал на него его разочарованный дедушка - Заслуженный трудовой муравей!

И муравьишка старался изо всех сил, но у него ничего не получалось.

Скоро муравьишка, измученный упражнениями, уснул с радостными мыслями, что завтра он всем покажет настоящий класс и уж больше никто и никогда не посмеет над ним подтрунивать.

Но уже с утра все пошло не так.

Муравьишка хоть и встал раньше обычного, опоздал на разрядку, а все потому, что просто зацепился за косяк и порвал любимые кеды.

И как назло, ему достался самый сложный объект!

Сначала ему пришлось таскать сосновые иголки, которые вопреки технике сваливались со спины, а потом пришлось идти далеко на лужок, где паслась еще не прирученная тля.

Пока муравьишка шел к лугу с тлей, он останавливался и смотрел на Солнце.

А Солнце смотрело на него.

Вдруг Солнце, удивляясь на муравьишку «Почему он все время такой печальный...», заметило что-то странное за его спиной.

И тут Солнце рассмеялось:

- Эх, малыш, вот почему ты такой грустный, ты же еще ничего о себе не знаешь!

За спиной муравьишки были маленькие крылышки.

Именно они мешали ему таскать соломинки и сворачивать листочки. Это был особенный муравей-с крыльями!

- Да уж, угораздило тебя, такие как ты, живут в самом сердце муравейника и травинки не таскают - подумало Солнце. Оно решило проводить муравьишку до луга с тлей.

Солнце успокоило и согрело муравьишку и он даже немного повеселел, правда, идти становилось все тяжелее, ведь за его спиной подрастали крылышки.

Добравшись до тли, муравьишка выбрал одну покрупнее, в надежде, что соберет молока побольше и ему тоже перепадет любимое лакомство.

Муравьишка подкрался к тле и тихонько травинкой пощекотал ей животик.

Тля оказалась не просто не прирученной, а абсолютно дикой!

Она подпрыгнула и брыкнула муравьишку так, что он потерял сознание.

Солнце все видело, но оно было слишком занято в этот день, и когда муравьишка очнулся, оно уже скрылось за лугом, который погрузился во мрак.

Муравьишка открыл глаза и огляделся.

Кругом была непроглядная тьма.

Муравьишка снова печально вздохнул:

- Куда же я пойду? Дороги не видно, тля разбежалась, и молока я не собрал, план не выполнил.

И он еще больше запечалился.

Его не пугала темнота.

Он вдруг понял, что и так много лет прожил в темноте, где у него не было настоящих друзей.

Разве только Солнце, но оно тааак далеко. Теперь и его не стало.

Терять ему было нечего, и он решил:

- Пойду наугад и даже если мне суждено погибнуть, никто сильно не расстроится, я ж такой неуклюжий и бесполезный!

И он стал продираться сквозь травинки на ощупь.

Иногда ему казалось, что кто-то шепчет ему на ухо страшные заклинания или хватает за лапки.

Он уставал и садился, но потом собирался с силами и продолжал идти.

- Идти, только идти! - твердил муравьишка, ведь ему ничего не оставалось; либо идти туда в неизвестность, либо погибнуть во тьме. А идти становилось все тяжелее...

И вот, когда муравьишка, почти свалился без сил, забрезжил свет.

Это поднималось Солнце. Оно раскинуло ему свои объятия и осветило путь.

Муравьишка обернулся.

За спиной виднелся непроходимый лес. Но у леса был странный вид. Муравьишка смотрел на лес будто через стекло.

И тут Солнце, заметив муравьишку, осветило его ярким лучом, и он увидел, что смотрит на лес сквозь прекрасные прозрачные крылья.

Это были его крылья. Какие же они были красивые!

- Ух ты! - подумал муравьишка и слегка пошевелил крылышками.

- Мои! - воскликнул он - настоящие!

Солнце улыбнулось, наблюдая за муравьишкой, и шепнуло:

- Смелее!

Муравьишка разогнался и взлетел.

Как же это было прекрасно!

Он увидел необыкновенную поляну полную прекрасных цветов. Это был удивительный мир, так непохожий на тот, в котором он жил, но о таком он мечтал, глядя на Солнце.

Он взлетел еще выше и помахал Солнцу рукой. И тут он увидел, что вокруг него в крылатом танце кружатся сотни муравьев с такими же крыльями как у него.

К нему подлетела девочка с серебристыми крыльями и взяла за лапку.

- Полетели! – сказала она.

И они долго взмывали то вверх, то вниз над прекрасной поляной, а потом, усевшись на травинку болтали ногами и молча смотрели на Солнце вдвоем.

- Дааа, разве нужны слова рядом с тем, кто так на тебя похож?.. - подумал муравьишка и подмигнул Солнцу.

Теперь он знал, что был особенным муравьем – маленьким королем.

И теперь он обрел свое королевство и, кажется, маленькую королеву тоже.

Солнечный дракон и Ангел

На самом краю Земли каждое утро вставало Солнце. Обычно случалось это часов в пять утра. Медленно выплывая из-за дальних гор, оно освещало водную гладь озера, которое простиралось за зеленой долиной. Сначала вспыхивая красным полукругом, Солнце показывалось за озером, а потом начинало восхождение на небосвод. Подъем! – будто кричало небесное светило. И все вокруг просыпалось. Цветы поднимали свои прекрасные головки и говорили: Ах, доброе утро! Щебетали птицы и носились над травой мохнатые шмели – жжжжух говорили они, пролетая над цветами, - доброе утро! И цветы манерно склоняли свои головы, приветствуя полосатых проказников.

Но самыми первыми Солнце будило своих Солнечных Драконов, живущих в горах за долиной. Эти величественные существа поднимались вместе с Солнцем и взмывали в поднебесную высь. Распахивая огромные крылья, они планировали над долиной, аккуратно выдыхая теплый дым, окутывая им прекрасные цветы. Ах!-говорили цветы, слегка багровея.

В цветочной долине жили еще одни крылатые существа – это были Небесные Ангелы – Ангелы Любви. Они были похожи на всех жителей долины – и на нежные цветы и на шмелей, но все же они были уникальны. У Ангелов были крылья – нежные и вместе с тем сильные настолько, что поднимали их высоко в горы. В этом Ангелы были так похожи на Солнечных Драконов и так не похожи на жителей зеленой долины.

Однажды солнечным днем, когда Солнце стояло в зените над серединой голубого озера, один Ангел улетел далеко в горы и увидел, сидящего на краю обрыва Дракона. Он очень удивился, заметив издали, как ему показалось, такого же крылатого Ангела, ведь Ангелы предпочитали не улетать далеко от долины. И лишь подлетая ближе, он разглядел, извергаемое Драконом пламя и понял, что перед ним совсем другое существо, хоть и крылатое, как и он.

Ангел хотел уже повернуть обратно, но Дракон заметил его, и удивился не меньше. На мгновение он перестал извергать пламя и выпустил клубы дыма. Ангел закашлял, смущенно закрываясь белым крылом. Дракон покосился на Ангела и печаль, сквозившая в его глазах, тут же исчезла. Он прищурился, наблюдая за Ангелом, который пристроился рядом у обрыва и захохотал, наблюдая, как Ангел спасается от клубов дыма, завернувшись в крыло.

Ангел содрогнулся на мгновение, - смех Дракона леденил кровь, но взглянув ему в глаза, быстро пришел в себя. Взгляд у Дракона был прямо-таки ангельский, но какой-то несчастный.

Ангел, осмелев, сел поближе. Дракон окинул Ангела надменным взглядом и сказал: Какие странные у тебя крылья... Разве на таких можно летать? – и тут же нахально провел своим кожистым крылом по белому крылу Ангела.

Ангел вздрогнул, украдкой взглянув на грубое крыло Дракона. Можно – сказал Ангел. Видишь, я здесь! - и засмеялся таким удивительным смехом, что чешуя на теле Дракона поменяла цвет. Глаза Дракона помутнели, и голова закружилась так, что он чуть не упал с обрыва в пропасть. Ангел вовремя подставил ему крыло. Придя в себя, Дракон отшатнулся. Он принадлежал к самому сильному племени, и не одно живое существо никогда не приводило его в такой трепет, который он испытал сейчас.

Глаза Дракона налились кровью и он прорычал: Испепелю! И действительно он мог бы сжечь Ангела и его прекрасные крылья, извергнув лишь один поток пламени.

Теперь Ангел погладил крыло Дракона и тот, словно котенок, свернулся на коленях Ангела.

Ангел снова засмеялся и накрыл Дракона своим крылом. Дракон задрожал. Он, могучий и свирепый оказался во власти этого белого полупрозрачного существа. Страх овладел Драконом.

- Что со мной? – думал Дракон.

- Кто ты? – прохрипел Дракон, обращаясь к Ангелу.

- Я - Ангел, живущий в долине, ответил тот.

А ты красивый – ласково сказал Ангел, - хоть и не такой как я.

Дракон приподнял голову и, недоумевая, взглянул на Ангела. Не похожим на него существам он обычно внушал страх, а этому белому и пушистому вдруг показался красивым!

Дракон приподнял голову и окинул взглядом Ангела. Ему (Дракону) казалось, что он совсем помешался.

- Я, наверное, съел что-то не то – подумал Дракон.

Рядом с этим белокрылым существом он испытал благоговейный трепет и как будто, в самом деле, превратился в маленького котенка.

А Ангел смотрел в глаза Дракону, будто читая его мысли. Он понял сейчас, что встретил кого-то совсем другого, но вместе с тем так похожего на него.

В гордых и добрых глазах Дракона Ангел видел собственное отражение.

Ангел молча улыбнулся, и, погладив голову Дракона, сказал – Спи, тебе нужно отдохнуть. У тебя был трудный день.

- Как ты это понял? – спросил Дракон, пристраиваясь на коленях Ангела. В этот миг Дракон чувствовал себя совсем ручным.

- Я увидел тебя на краю обрыва – ответил Ангел и продолжил - в твоих глазах потух свет, и ты был у самой пропасти. ПРОПАСТЬ НЕ СТРАШНА, ЕСЛИ ЕСТЬ КРЫЛЬЯ И СВЕТ В ГЛАЗАХ, НО КОГДА СВЕТ ГАСНЕТ, И ОПУСКАЮТСЯ КРЫЛЬЯ, ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ОЧЕНЬ ОПАСНОЙ!.

Спасибо. – ответил Дракон, а про себя подумал: «Вот для чего существуют Ангелы...»

Сила желания

Вечер. Свет ночника освещает стол, заваленный бумагами. Стопки книг разного размера, ватман, скрученный в трубу, тетрадные листы, исписанные небрежным почерком, клей и еще какая-то канцелярия. Здесь же кирпичного цвета кружка, тарелка с виноградом и фигурка нефритового слона. За столом в полу сгорбленной позе мужчина, быстро записывающий что-то в толстую тетрадь.

Если бы мы подошли поближе, то увидели бы, что мужчине около сорока, он высок, плечист и бледен. Такие нравятся женщинам своей внешней холодностью. Кожа его и правда бледна, или, кажется такой на фоне черных как смоль волос, но черты лица выдают в нем мягкость. Тень падает на его лицо и эта игра света-тени как будто открывает нам противоречивость натуры, - сквозь мягкие черты проступает хищный профиль, и сапфировые

добрые глаза при сосредоточении превращаются в серые холодные,
пронизывающие глаза циника.

Видно, что он давно занят своим трудом и слишком сосредоточен
сейчас, как художник, в тот момент, когда, уловив мысленно или чувством
нужную краску, пытается воспроизвести ее в картине.

Да. Он сосредоточен. Он пишет ее, точнее, о ней. О Женщине. О той,
которую, пытается уловить всю свою жизнь. И вот сейчас , кажется, он
поймал что-то важное. Похоже, теперь он не уснет. Сегодняшней ночью он во
власти муз.

Им Муза овладела этой ночью,
Ион до света не уснет,
И сам еще не знает точно,
Что между ними в ночь произойдет.
Но тот, кому знакома Муза,
Знает доподлинно одно,
Дитя от этого союза
Иль гениально иль смешно.
Ведь Муза ночью хулиганка
И женщина и тяжкий груз,
Как балерина у станка
-Спаси вас Бог от ночных Муз!

Таков писатель. Если Бог дал талант, он тебя не отпустит. И вот
каждую ночь он – писатель и мужчина, ищущий женщину, принадлежит
стройной смуглокожей красоте, которая дразнит его и заставляет браться
«за перо».

Однажды он чуть не погиб, окруженный зеленым змием, но вовремя спохватился. Он понял, что все дело в ней, в этой легкомысленной девице, гостившей когда-то то у Пушкина, то у Толстого, Достоевского и других великих. Это она, душит его в своих объятьях, требуя уплаты долга. Это такой долг перед Богом – и дар и ноша, что бросить нельзя. Если Бог дал талант, изволь, реализуй!

Вот он и реализует. Преимущественно ночами.

Он пишет о той, которую встретил однажды. О той, другой, что ни на какую не похожа. И на Музу тоже.

Он знал многих женщин. Внешность и темперамент сделали свое дело, нивелировав мягкость характера. Он привлекал женщин, а они влекли его. Он играл в любовь и наслаждался игрой.

Но однажды он увидел ее. Вряд ли сторонний наблюдатель обнаружил бы в ней какую-то неземную красоту. Да, она была женственна и даже сексуальна, но неотразимой красоткой ее нельзя было назвать. Но он обнаружил в ней то, что делает женщину женщиной – желание.

Он хотел ее каждой клеточкой своего тела. И ни одна женщина ни до, ни после не вызывали в нем такого трепета. Встретив ее однажды, он сразу понял, это была ОНА!

И ОНА стала его источником, его смыслом, тем, что наполняло его жизнь. С той встречи прошло много лет, но ОНА не ушла насовсем. Помнил ли он ее или только свое ощущение, с ней связанное, было уже не важно, но ОНА была с ним. Всегда.

Она жила в его душе, давно лишив его покоя. Тогда за резким словом он не сразу разглядел мягкость, которую выдавало лишь ее тело. Округлые формы бедер, черты лица, чуть румяные щеки и манящие губы. Губы, эти губы звали куда-то...

Он так ей и сказал, что они «зовут». Конечно, он еще чего-то наплел игривым бархатистым голосом той случайной незнакомке. Он был молод, но уже достаточно разбирался в женской природе и знал, что и как нужно сказать женщине, чтобы та поплыла. Но та не поплыла.

Любой другой на его месте оставил бы всякие попытки соблазнения, ведь прекрасная незнакомка оказалась той еще грубиянкой. Но он как будто не заметил этого. Похоже, его это даже забавляло. В какой-то момент она переменялась и рассказала ему нечто, что заставило его слушать серьезно. Она, не зная его совсем, вдруг открыла ему душу. Не часто встретишь человека, который вот так просто будет говорить тебе о своей боли. Что ее заставило неизвестно, то ли его талант слушателя, то ли ее собственная доверчивость.

Она все понимала. Понимала, что перед ней мужчина полный желания и конечно понимала, что продолжения не будет. Сколько их было таких, «похотливых засранцев»! Но. В его глазах была такая сила желания, какой она не видела никогда. Ни один мужчина не смотрел на нее так! Так страстно, и вместе с тем, так нежно.

И Она тоже не забыла, но мог ли он знать об этом. Та встреча словно обожгла ее. Тело стеноло, душа рвалась из тела наружу.

Прошли годы и все улеглось. Позабылось. Время, как известно, лучший лекарь.

Где-то была она, где-то он.

И сейчас, когда он стал старше и мудрее он вспомнил ту встречу и многое понял. Большой дар для мужчины – мудрость. Лишь она позволяет ему постичь женщину. Познав мудрость, мужчина сначала познает женщину в себе и тогда у него появляется шанс отыскать ту, самую-самую, которая снимет его с распятия и омоет его раны. И тогда Мужчина воскреснет в нем.

Может быть именно это ощущение, «распятость» и не утихающая боль заставляли его вспоминать и писать, искать давно затуманившиеся черты, которые он так старательно переносил на бумагу.

А может быть, наконец, он понял, что однажды встретил ту, в ком не заметил чего-то важного. Она говорила тогда о себе, о своей семье, о боли, которая сковывала ее. Он слушал. Потом нес какую-то чепуху, и она смеялась так звонко. А потом он сделал что-то не так.

С мужчинами так часто бывает. Женщина хочет чего-то и они из любви и нежности, всячески стараясь ей угодить, почти всегда оказываются не удел. Такое действие не к месту или не ко времени. Похоже, так вышло и тогда. Он услышал ее боль и дал ей заботу и внимание, как ребенку. Но она просила не об этом. То есть она молчала, ведь «женщина должна быть загадочной». Но ее душа ждала, ждала поцелуя. Зачем говорить про «губки», а потом нянчить как ребенка? Так она думала много времени спустя. Она его не поняла и не поверила, а ведь ей этого хотелось.

Он показался ей таким странным. Он говорил что-то про жену, что любит ее. Но зачем же тогда он ей говорил о своей влюбленности? Этот вопрос не унимался в ней.

Одно она знала точно, - продолжения не будет. Она не разбивает семьи, да и влюбленность его, ее мало интересовала. Жену, значит, любит, а в нее влюбился!

Нет. Она не разменная монета. Нет, нет и нет, сказала она себе тогда. Хотя, в душе мечтала о свидании. Ее нежное сердце мечтало о любви. И именно в нем она увидела героя ее детских грез, сказочного принца, нелепого мальчишку, который, как ей казалось, все время врал.

Что-то в нем было не так. Слова его не вязались с внешним видом, игра, которую он начал, с мягкостью и добротой, которая обнаружилась в нем после. Она была юна и не слишком опытна в любовных делах, однако многое видела и понимала. Она смотрела на него и не находила в нем следов женской руки, но он носил обручальное кольцо. Он был так нежен с ней, но говорил о любви к жене.

Она понимала, иные мужчины ради «лакомого куска» готовы изобразить небывалую нежность, потому и не поддавалась его очарованию. Только ее тело, оно, похоже, было с ней несогласно. Она осознала это буквально следующей ночью. Сон не шел к ней. К ней-то, твердой как танк, засыпающей в полминуты. Тело орало, орало от желания, неведомого ей доселе.

Так продолжалось почти год. И только она знала об этом и каждую ночь сходила с ума.

Где он и что с ним она не знала и знать не могла. Она ушла тогда, спрыгнув с его колен, оборвав его резким словом.

Конечно, она сожалела об этом потом. Она не хотела его обижать, но обидела. Он не оставил ей никакого выбора. Да, ей было хорошо с ним. Может даже слишком хорошо, но она не могла допустить даже мысли, что станет причиной чужой боли. В ее висках пульсировало «жена, жена, жена, любит ее». Она не верила в то, что разрушив чужое счастье, можно создать свое. Нет. Она себе сказала, нет, никогда этого не будет! Она слишком хорошо знала эту боль. Она ушла.

И вот теперь он как будто бы стал понимать, что же тогда случилось. Он описывал давно забытые черты, звонкий смех и грубые словечки, вылетающие из прелестного ротика. И улыбался. Он ничего о ней не знал, но как будто бы понял. Похоже, она оказалась единственной женщиной, про

которую он хоть что-то смог понять. А может, все дело было в том, что она была именно Женщиной.

Он поставил запятую и улыбнулся, подумав, что все-таки однажды ему повезло встретить Настоящую Женщину.

Он потянулся, и вздохнул, зацепив ватман. Нефритовый слон упал на пол. Он поднял его, повертел в руках и снова подумал о ней. Какая она сейчас, чем живет? С кем?

Завтра он продолжит писать. И может ему удастся приблизиться еще на шагок к ней, - к Настоящей Женщине.

Метафора жизни

Вот оно раскинулось перед вашим взором! Бескрайнее и такое необъятное МОРЕ!

Взгляд, словно кинокамера опытного оператора скользит по водной глади. Медленно и уверенно, будто ощупывая поверхность воды, взгляд продолжает свое скольжение. Вот мелкая рябь и взгляд, цепляясь и соскальзывая с мелких дрожащих волн, продолжает свое движение. Кажется, у моря нет ни конца, ни края и скольжение бесконечно. Вода то синяя, то вдруг зеленеет и вот появляется гребень волны с белыми «барашками». Поднимаешься и ... скатываешься вниз в пучину вод. Погружаешься, и вода зеленеет, а с глубиной становится темной.

И опять поверхность – неровная как кристалл, и каждая грань дает свой оттенок – от синевы до лазури, от зелени до черноты. Море – ты бесконечно, так величественно и так прекрасно! Ты можешь убаюкать, а можешь заштормить или поднять бурю. Ты то ласково, то опасно. В моменты бури ты грозно и непоколебимо и способно разбить целый корабль о скалы словно щепку.

Что человеческая жизнь в пучине моря? – лишь щепка... Но щепка к щепке и вырастает корабль! Ветер наполняет паруса и судно, ловко штурмуя волны, разрезая кромку воды, стремительно лавируя от волны к волне, преодолевает морскую бесконечность.

Так рождается Человек! Человек как целое, как личность и Человек как часть целого – сообщества, группы единомышленников, где щепка к щепке и - целый корабль! Корабль как символ единства, но не одиночества, союза весел и парусов, где каждый уникален и проявляя свою индивидуальность, устремляет судно в одном направлении.

Только вперед! А если буря, переждем, - опустятся паруса, лягут в воду весла, и зоркий глаз из расщелины скал будет наблюдать величие бури. Или

сражение!?! Штурмовать волны и может погибнуть в пучине? Туда! В бурю, в волну!

Кто-то бросается к веслу, кто-то к канатам, а кто-то говорит «переждем бурю». И находится единое решение – переждать, и снова к веслу и снова ветер в паруса и только вперед! Погибнуть? Ради чего? Ради величия?

Но море так велико и могущественно и если ты щепка, то только погибнуть, а если корабль, то наполни ветром паруса, когда утихнет буря... Сколько их еще будет, этих бурь? Что буря кораблю? – Вызов, проверка на прочность или возможность понять бурю...

Что буря морю? – Дыхание волн.

Волны в море, как щепки в корабле. Величие моря в его волнах, величие корабля в его щепках, но как одна волна – не море, так и одна щепка – не корабль.

Корабль в море – метафора человечества...

Сила и нежность

Жил-был на белом свете Мужчина. Это был большой и сильный мужчина, прямо Великан. Он жил в своем большом доме и занимался привычными делами. Он жил один много лет и ни в ком не нуждался. И однажды дождливым вечером в его дом постучали. Большой Мужчина открыл дверь. На пороге стояла мааааленькая Женщина. Она была такая маленькая, что Великану пришлось наклониться. Видно было, что Женщина продрогла и еле стоит на ногах. Дайте мне немного тепла – прошептала Женщина. Мужчина был растерян, ведь гости бывали в его доме не часто.

Он посторонился, открыл дверь и пропустил Женщину, указывая на дальний угол комнаты, в котором горел камин. Женщина медленно вошла и скинула с себя мокрый плащ. Мужчина подхватил его 2 пальцами и повесил на крюк у камина. Женщина поежилась, и, почувствовав тепло, прошла дальше к большому креслу. Кресло оказалось слишком высоким для того, чтобы Женщина могла на него взобраться. Помогите мне – прошептала Женщина. Великан что-то буркнул, не сразу сообразив, о чем его просят, а потом опустил свою большую ладонь на пол перед женщиной, и, подняв ее повыше, помог ей устроиться в кресле.

Вообще большой Мужчина не очень-то церемонился с женщинами, тем более малознакомыми, но эта была такой маленькой и хрупкой, что великан совсем растерялся.

Женщина поблагодарила Великана и свернулась в кресле калачиком. Очень скоро она уснула. Великан стоял у стены и долго на нее смотрел. Какая малышка – подумал великан, и что-то теплое зашевелилось в его душе. В этот момент Женщина повернулась и вздрогнула. Ох, ее надо укрыть, - спохватился большой Мужчина, но у него не было подходящего одеяла. В

какой-то момент он вспомнил про носовой платок. Его с лихвой хватило бы, чтобы укрыть маленькую Женщину, но потом он засомневался.

Он вспомнил, что где-то в шкафу лежит плед, которым его накрывали родители, когда он был совсем малышом. Он достал плед и осторожно укрыл Женщину.

Великан сел в свое большое кресло и стал смотреть на огонь в камине. Он думал. Он думал о том, что вот он такой большой и сильный и ни в ком не нуждается, а эта маленькая Женщина должно быть она очень слаба и ей нелегко приходится в жизни. Вот как сейчас. На улице льет дождь и вероятно она застала и грозу.

Великан перевел взгляд на маленькую Женщину. Лицо ее зарумянилось. По лицу Великана пробежала слезинка. Он был растроган до глубины души. Да, он был велик, но душа у Великана была тонкая и добрая. Это был его секрет, который он ни за что бы никому не выдал. Ему нравилось, что люди уважают его силу и только его матушка знала каков ее сын на самом деле. Он всегда был трогательным и ранимым мальчиком.

Великан еще раз взглянул на Женщину и осторожно мизинцем подоткнул плед, чтобы Женщина не замерзла. Великан вскипятил чайник и заварил чай. Вообще-то он пил чай из пакетиков, но теперь достал с верхней полки душистый травяной чай, который привезла ему его матушка.

Аромат душистых трав распространился по комнате и Женщина потянулась. Она привстала и захлопала глазами. Похоже, она не сразу поняла, где находится. Великан улыбнулся и предложил ей чаю. Женщину кивнула в благодарность и, скинув плед (видно было, что она согрелась и немного оживилась) принялась за чай. Чашка была такой большой, что края женских волос падали в нее. Женщина оторвалась от кружки и тряхнув головой,

откинулась в кресле. Спасибо! – уже звонко, - сказала она. Великан заулыбался в ответ.

Ой, а где моя сумочка? – возмущенно воскликнула Женщина. Видно было, что ей значительно лучше. Великан пожал плечами. Ты украл ее! – накинулась на Великана Женщина (как известно, «лучшая защита - нападение»). Большой Мужчина ничего не успел ответить, и Женщина тут же съехав с кресла, будто с горки, кинулась на стоящую перед ней грудую мышц. Великана это позабавило, но ненадолго. Вдруг он ощутил острую боль. Это маленькая фурия вонзила в его ногу каблучок.

- Больно! – взвыл Великан и замахнулся на Женщину. Он почти ее прилепнул, но рука повисла в воздухе. Великан захохотал глядя на разгневанную гостью. Похоже, она готова была сразиться не только с ним, но и с целым полчищем великанов! Стены задрожали от смеха большого Мужчины и Женщина пошатнулась. Увидев это, великан поддержал ее большим пальцем руки и снова предложил свою ладонь. Он уже забыл про боль.

Женщине было неловко, но она отогнала от себя смущение и набежавшее чувство вины, и, улыбнувшись Великану самой очаровательной улыбкой на какую была способна, шагнула на его ладонь.

Великан посадил ее себе на плечо. Он хотел лучше разглядеть свою гостью. Женщина была прехорошенькая. Чуть вьющиеся волосы, вздернутый носик, розовые губки и маленькие тоненькие ручки. Она склонила свою прекрасную головку и опустив подбородок, театрально произнесла – Благодарю Вас!

Великан манерно поклонился, еле сдерживая смех. Он поиграл мускулами, и Женщина переместилась на предплечье. Она звонко засмеялась, и Великан понял, что эта игра ей нравится. Он проделал так еще несколько

раз, устроив своей гостье своеобразные «американские горки» и всякий раз она хохотала так звонко, будто колокольчик, а он улыбался ей в ответ.

Потом он дал ей скатиться до кисти и поймал ее другой рукой. Вдруг Женщина вздохнула. Покачай меня на ручках – прошептала она. Великан сложил ладони лодочкой и стал бережно раскачивать маленькую Женщину. Она затихла и, вдруг Большой мужчина почувствовал влагу в своих ладонях. Женщина плакала. Я так устала – вздохнула она.

Великан сделал шаг и поморщился. Женщина будто спохватилась – Твоя рана! У тебя есть бинт? Давай я перевяжу. Великан снова положил Женщину на кресло и пошел за аптечкой.

Когда он вернулся, его глазам предстало неопишное зрелище. Посреди комнаты стояла сумка величиной превосходившая его аптечку в два раза. Я нашла свою сумочку! – объявила женщина. Она втащила сумку на табурет и извлекла оттуда тапочки, мочалку и какие-то еще принадлежности, халат, пару пакетов с неизвестным содержимым и маленькую аптечку.

В аптечке Большого Мужчины, как и следовало ожидать, не нашлось ничего кроме градусника. Женщина улыбнулась и присев на шиколотку Великана, принялась обрабатывать пострадавший от ее каблучка палец. Так, - сказала она, заканчивая забинтовывать палец, где тут у тебя шкаф и душ еще где? Я хочу помыться!

Великан оторопел. Он и мысли не мог допустить, чтобы кто-то начал командовать в его доме. А Женщина продолжала – И, знаешь, неплохо бы мебель здесь переставить! Кресло, пожалуй, стоит поставить ближе к камину.

И тут Великан взревел – это мой дом! Женщина и бровью не повела. Конечно твой, но просто я хотела, чтобы было красиво и если поставить кресла ближе к камину будет намного уютнее.

Пока Великан хлопал глазами, маленькая Женщина уперлась обеими руками в спинку кресла и принялась его двигать. Великан не верил себе – кресло двигалось!

Он спохватился только тогда, когда Женщина схватилась за поясницу и рухнула на пол.

- Прости – засуетился он, и, приподняв кресло, спросил – Куда его поставить? Женщина указала ему место. Она сидела на полу, держась за поясницу.

- Больно? – спросил Большой Мужчина.

- Щекотно! – съязвила маленькая Женщина и невольно скривилась.

- Значит, больно – промямлил Великан.

- Ну, зачем ты так? - спросил он ее, - могла бы меня попросить.

- Я привыкла сама.

- Не надо, - сказал Великан и усадил ее на коленку. Женщина вытянулась, склонив голову.

- Ты такой большой и грубый, но теплый, - сказала Женщина, выводя пальчиком загогулины на его колене.

- А ты такая маленькая, но такая бесстрашная! – восхитился Великан.

- Вечереет, - сказал Великан. – Пора спать.

- Угу, - ответила Женщина и снова забралась в его ладонь.

Похоже, Великана совсем не рассердила ни его задержавшаяся гостья, ни затеянная ею перестановка.

Он нес Женщину в своих руках и чувствовал, что это хрупкое создание вызывает в нем желание заботиться и оберегать и чувствовал себя от этого по-настоящему сильным.

А маленькая Женщина, засыпая, бормотала – Все-таки надо будет купить ему новые тапочки.

Дары фей

В одной далекой деревушке среди гор и равнин, среди лесов и степей, среди зимы и лета родилась маленькая царевна. Хоть и родилась царевна в замке и была любима своими родителями, отвечая им взаимностью, но ничто так не трогало ее сердце как горы, равнины, леса и степи среди которых она росла. Когда девочка носилась по природным просторам или погружалась в воды озер и рек, то за ее спиной вырастали крылья.

Родители любили свою маленькую принцессу, баловали ее, наряжали, дарили дорогие подарки, всячески потакали ее «царским» капризам.

Но никакие богатства мира не трогали ее сердце так, как блеск воды, прозрачные крылья стрекоз, запахи лесных трав, щебет птиц и ветер, шумящий в просторах.

Она часто скрывалась в лесу, и иногда, забываясь, вызывала беспокойство своих родителей, долгим отсутствием.

Маленькая принцесса знала язык птиц, говорила с травами и цветами, а те, склоняя свои головки, отвечали ей. Мир, в котором росла принцесса, был так прекрасен и необычен!

Когда девочке исполнилось шесть лет, родители устроили большой праздник и пригласили множество гостей. Как и положено, на царских

праздниках, среди почетных гостей были весьма необычные. Среди прочих были две феи.

Одна в воздушном белом платье с серебряными крыльями и волшебной палочкой с наконечником в виде звезды, другая – в черно-фиолетово-лиловой накидке и облегающем платье похожим на само звездное небо.

Все гости от души поздравляли короля и королеву с рождением дочери и дарили ей свои подарки. Среди подарков были серебряные бубенчики, крылатый конь, тончайшая вуаль лунного цвета, какие-то сосуды с цветными жидкостями, богатые расписные покрывала и много других необычных подарков.

Когда праздник подходил к концу и все подарки были сделаны, пришел черед самых необычных даров. Всем известно, что феи не дарят вещей, их подарки всегда символичны и скрывают особенные чудеса.

Первой к девочке направилась фея в воздушном белом платье, но вдруг, ей наперерез двинулась величественно-гордая фея в фиолетовой накидке.

Она подошла к красиво украшенной качели, на которой восседала юная принцесса и произнесла: «Пройдут годы, и только тогда, ты оценишь мой дар, ибо он не есть добро и покажется злее всякого зла!».

Толпа затрепетала, услышав эти слова, а фея в фиолетово-лиловой накидке сняла звезду со своего плаща и водрузила ее на маленькую корону принцессы. Свет звезды озарил весь зал, толпа отпрянула и ахнула. Принцесса тут же так преобразилась! Она сама стала подобна звезде.

И толпа зашептала: «О! Как она прекрасна! Поистине это добрый дар!» и некоторые тихо зааплодировали. Аплодисменты становились все громче и громче.

Наблюдая за этим фея в лиловом плаще, лишь ехидно улыбнулась и сказав «от добра добра не ищут» испарилась в воздухе.

Наблюдая все происходящее, фея в белом лишь покачала головой. Казалось, все про нее уже забыли и замерли, ослепленные светом, исходящим от принцессы.

Она аккуратно прошла сквозь толпу наблюдателей и пошла к качелям.

Принцесса, ранее такая отзывчивая, даже не взглянула на нее.

В девочке, будто что-то переменялось. Бывало, она и пяти минут усидеть не могла на празднике и как только предоставлялась возможность, устремлялась на озеро или в лес.

Теперь же она величественно восседала на своих качелях, гордо вскинув голову и, лишь скользила взглядом по головам преклоненных перед ней гостей.

Фею в белом почти никто не заметил. Она осторожно подошла к принцессе, обойдя ее сзади, так, чтобы не побеспокоить и вплела в ее волосы красный цветок. Это была роза. Она ничего не сказала, но про себя подумала: «Однажды, ты испытаешь боль, ведь и у роз есть шипы, но эта боль вернет тебе утраченное».

Сделав это, она тут же испарилась.

Принцесса получила все подарки. Гости постепенно разъехались, и наступило время укладываться.

Принцесса уснула, и во сне свет звезды озарил все вокруг еще ярче. Но чем ярче светила звезда, тем бледнее и надменнее становилась принцесса.

И лишь во сне она видела поля и леса, и будто бы чувствовала какой-то знакомый запах. Это был запах розы. Роза, спрятанная в волосах, источая тонкий аромат, будила во время сна дорогие сердцу принцессы картины.

Так прошло много лет. Принцесса становилась все прекраснее и все недоступнее. Все больше она походила на далекую звезду.

И каждую ночь она видела во сне, все, что так любила, но пробуждаясь, каждое утро, забывала свои сны.

Когда принцессе исполнилось 18 лет, родители приняли решение выдать ее замуж, но ни один из принцев, претендовавших на ее руку ни своими поступками, ни подарками никак не могли ей угодить. Принцесса лишь смеялась или надменно фыркала, наблюдая их тщетные усилия.

Шли годы, а принцесса все не могла выбрать жениха. То «нос у него кривой», то «он глупый», то «худой», то «косой», то ... в общем «не тоооооо!» - кричала принцесса, расставаясь с новым кандидатом на ее руку и сердце.

Время шло, и претендентов становилось все меньше, и уже давно в царстве-королевстве никто не верил, что принцесса когда-нибудь выйдет замуж.

Однажды, все королевское семейство отправилось на охоту в ближайший лес.

И пока королевское семейство охотилось, принцесса восседала на опушке на пуховых подушках. Вдруг ее взор привлекло шевеление в кустах. Присмотревшись, она увидела маленького зайчишку.

«Эй!» - крикнула она. Зайка насторожился и поднялся на задние лапы. «Иди-ка сюда! Сейчас я тебя поймаю!». Заяц, угадав намерения принцессы,

рванул в чашу, а принцесса за ним. Она не привыкла к отказам и решила, во что бы то ни стало заполучить зайку.

Долго она бегала по лесу за зайчишкой, пока совсем не заблудилась.

Выбившись из сил, она заметила, что темнеет.

Не разбирая дороги, брела она в чаще, спотыкаясь о лесные коряги и по мере того, как она прикладывала усилия на своем пути, к ней возвращался румянец.

В какой-то момент принцесса споткнулась и зарыдала, упав обессиленная на мох. «Ненавижу!» - кричала она, стуча кулаками по лесной подстилке, но меж тем, природа взяла свое и принцесса уснула, обнимая мох, который когда-то так любила.

Проснувшись она от боли в затылке, которая пронзала ее. Потянувшись и еле встав на ноги, она добрела до ручья, чье журчание слышалось сквозь щебет птиц. Она наклонилась к воде и постаралась умыться. В этот момент, корона со звездой, упала в воду, и течение ручья, быстро подхватив ее, стало уносить все дальше и дальше от принцессы подарок феи в фиолетово-лиловом плаще.

Сил бежать не было, и так больно отдавало в затылке. Принцесса снова заплакала, и собственные слезы показались ей такими горячими и боль как будто бы прекратилась.

Она выпрямилась, взглянула на солнце и попыталась расчесать свои волосы, гребнем, лежавшим в кармане платья. Вдруг, расчесываясь, она уколола палец чем-то колючим. На пальце выступила кровь, а из волос выпала красная роза. Что удивительно, цветок был живым и, как и прежде источал прекрасный аромат.

И принцесса заулыбалась. Она снова видела прекрасные цветы и слышала щебет птиц и тут же засвистела им в ответ незатейливую песенку.

Лес вторил ей своими звуками, а роза, покоившаяся на ее коленях, алела, как и щеки принцессы.

Любовь снова воцарилась в ее сердце.

Принцессу нашел охотник. Правда, он не узнал в ней ту, о которой слышал столько нелесных слов. И в царствах-королевствах случаются сплетни.

Принцесса оставила свои царские замашки и полюбила охотника, а он увидел в ней не холодную звезду, о которой распускали сплетни жители королевства, а прекрасный цветок.

Опасная красота

Это был конец зимы. Где-то «у пяти углов» сновали прохожие. Движение было шумным и сбивчивым. В общем, не такая уж и суета для двадцать первого века.

Люди спешили по тротуару, периодически сбиваясь на проезжую часть.

Тротуары не соответствовали статусу большого города. Неровные ледяные глыбы, смешанные с грязноватым снегом отменяли всякую надежду пешехода на дальнейшее движение.

Люди теснились и снова и снова сбивались кучками на проезжую часть, и на сей раз, затрудняли движение автомобилей.

Самые смелые лезли на тротуар и лавируя, прощупывая ногой ближайший ледяной валун, шаг за шагом пробирались вперед. Те, что

потрусливее пытались пройти по краю, а те, что еще отважнее шли вдоль стоявших на обочине проезжей части машин.

Хотя, настоящими смельчаками бели те, кто, подняв голову повыше, продолжал скользить меж ледяных валунов тротуара.

А может это была и не смелость вовсе, а простая человеческая беспечность или банальная глупость.

Находились среди них те, кто, узрев устрашающую красоту зимнего орнамента, нависавшего над головой, все же, осознав опасность, с тротуара сходили, но были и те, кто продолжал движение положившись, наверное, на пресловутый русский авось.

Красота была ужасающая! Над тротуаром с балкончиков и выступов здания свисали сосульки.

Они были похожи на длинные свечи с острыми узкими концами.

Ровными гроздьями, рядами в несколько штук они словно зубы древнего ящера нависали над «народной тропой».

Удивительная рука зимы создала эти устрашающие шедевры с невообразимой точностью, распределив их в ряд последовательно от большей к меньшей, так будто бы архитектор с замашками перфекциониста с точностью до миллиметра вымерил каждую сосульку.

- Куда смотрят власти! И это в центре города! – возмущались редкие пешеходы.

А большинство из них молча скользило по своим срочным делам.

Вдруг казалось, что время повернуло вспять и вот-вот чертыхающийся пешеход крикнет «Извозчик!» и в ответ на окрик остановится крытая бричка с ямщиком на облучке.

И вот уже слышится, как дворники ковыряют лед и метут улицу, держа в покрытых ледышками рукавицах, длинные метлы.

И ты уже где-то в прошлом «у пяти углов».

Снова поднимешь голову, и стрелки времени снова перенесут тебя куда-то в неизведанное.

В этот миг ряд сосулк превращается вдруг в органные трубы, и слышится древняя музыка.

Но если редкий луч света коснется зубов ледяного чудовища, то они, сливаясь, трансформируются в ледяной нож гильотины или металлические шипы космического корабля или гостя из будущего на нем прилетевшего.

Смотришь вверх и если не дай бог задумаешься, и выпадешь из городской суеты, то уже слышишь странный металлический скрип и как будто сверху наблюдаешь, как твое тело пронзает ледяное копьё.

Или слышишь вдруг крик где-то неподалеку, оповещающий о том, что ледяная холодная красота унесла чью-то жизнь. Перед глазами встают картины из Булгакова, и ты понимаешь, что хоть Аннушка не проливали масла, но голова какого-то несчастного покатила по трамвайным путям, отрезанная ледяной рукой природы.

И кто тому виной?

- Природа, дворник, не очистивший тротуар, или те, кто сбивают сосульки? А может какой-то прораб, или администрация города?

По мере движения вперед ты встречаешь парней с альпинистским снаряжением и мысленно, вытерев испарину ужаса со лба, успокаиваешься, в надежде, что кто-то позаботится о безопасности жителей Петербурга.

Рассеется «булгаковский ужас», альпинисты уберут сосульки, ты сядешь в метро и забудешь о странном наваждении.

О том, как оказался между прошлым и будущим, провалившись в колодец времени «у пяти углов».

Так сплетаясь в единую ткань опыт, память и фантазия порождают иную реальность, спасая сознание от той реальной угрозы, которая нависает над жителями Петербурга с крыш в самом центре города.

Страшно?

Боярышник

В скромном микрорайоне большого города затерялась старая пятиэтажка.

В закутке за продуктовым магазином стояли несколько таких домиков.

Микрорайон не был чем-то особенным и совсем не выигрывал у современных строений. Однако, те жители, которые знали эти улочки, любили по ним прогуливаться при случае.

В маленьких «брежневках» жили увлекательные люди или просто люди, которые любили свои дворы. Эти тихие дворики были особенно прекрасны в теплое время года: с весны до глубокой осени, когда цвели цветы и листва не покидала деревья.

Жители пятиэтажек высаживали каждый год неприхотливые на первый взгляд растения. Цветы были простые, из недорогих.

Скорее всего, хозяева квартир пятиэтажных домов делились своими дачными посадками с жителями города, украшая небольшие участки земли у подъездов своих домов.

Чего только на этих «клумбах» не было! Помимо растительности там встречались разукрашенные мухоморы из тазиков, лебеди, и другие более сложные конструкции; игрушки, чьи владельцы, вероятно, выросли, но не избавились от своих друзей детства насовсем, а сделали их достоянием и радостью всей улицы.

Вот там мишка, а там сидит, поникнув зеленый заяц.

Тихо идешь по улице и смотришь на красоты, улыбаясь игрушечным зверьям...

Правда, в дождь, поникшие игрушки оставляли на лице прохожих скорее грустную улыбку, но это была светлая грусть, напоминавшая им о детстве.

Еще одной достопримечательностью старого микрорайона были деревья. Здесь росли такие, каких в других местах города не встретишь, и даже в парке.

Когда-то давно, когда район был совсем маленьким, в этом месте были сады.

По весне у пятиэтажек зацветали сирени и вишни. Запах стоял необыкновенный и появлялись даже пчелы.

- Откуда они в городе? - недоумевали прохожие.

А напротив окон одной пятиэтажки было целое скопление сирени и аж две вишни. По центру между ними рос боярышник.

Боярышник был простой, с резными листьями и колючками, как и положено боярышнику.

Летом он не был особенно заметен, но с неизменным постоянством под окна пятиэтажки к боярышнику стекались мальчишки. Они всеми правдами и неправдами оккупировали небольшое деревце.

Наутро у боярышника скапливалась неизвестно откуда взявшаяся фанера, доски и веревки. Удивительное дело! В мире гаджетов царствовал боярышник.

Мальчики и девочки ближайших домов умудрялись заметить боярышник сквозь листву вишен и предпочитали его даже детской площадке с железным корабликом.

Детвора тащила с помойки все, что могло сгодиться на роль оружия, как холодного, так и горячего (хотя «шпаги» были предпочтительны), на роль щитов и конечно лестницы.

Боярышник терпеливо сносил набеги.

Его любили не только дети.

Частенько на боярышник забирались коты и оглашали улицу громким мяуканьем, не имея возможности слезть.

Иногда под боярышником, в разгар каких-нибудь праздников скапливались собутыльники, будоража разговорами сон жителей ближайшего дома.

А порой боярышнику приходилось потерпеть, тогда, когда некоторые захожие горожане терпеть уж не могли...

Тяжелые на подъем дети или даже взрослые из соседних домов предпочитали боярышник домашнему туалету.

- Пока добежишь!

Боярышнику было все как будто нипочем.

Время шло, а он стоял такой же невозмутимый и незаметный.

Но приходила осень, листва на соседних вишнях становилась невзрачной, а боярышник преображался, будто забирая свое у вишен из весны.

Листья обретали оранжево-желтую окраску и на боярышнике кармином загорались грозди из ярких ягод.

Эти ягоды сохранялись до зимы и становились излюбленным лакомством птиц. Особенно боярышник любили воробьи и синицы, но иногда на ягоды слетались самые непредсказуемые для города пернатые - стайки свиристелей и одинокие снегири.

Когда-то ягоды боярышника называли хлебными...

Вот так и растет и радуется, согревая хлебным теплом, чудо боярышник – хлебное дерево маленького района большого города.

Художник

Поседевшие волосы были когда-то цвета воронова крыла. И вот сейчас седеющая голова художника склонилась над мольбертом, а легкая как ветер рука, тщательно прорисовывала элементы пейзажа.

Рисунок был почти готов, но не хватало деталей, которые плоское изображение делают живым объемным звучащим.

Да, картина должна звучать, а иначе, это так, мазня. Чтобы рисунок ожил и зазвучал, нужны оттенки и контрасты – игра света-тени.

И вот теперь, штрих за штрихом, мазок за мазком тень ложилась на детали, придавая им свечение и оттенки.

Пейзаж был летний – ветви, листья, буйство ярких красок и россыпи трав: клевер, ромашка, колокольчик, лютик. Чего там только не было! Картина еще не звучала, но казалось, она издавала запах – пахло цветами. Запахи смешивались, как и краски на холсте, заполняя пространство.

И вот на листья и цветы мелкими штрихами стала ложиться тень. Сделав небольшую часть работы, художник отошел от картины на пару шагов. Вытирая руки тканью, смоченной в растворителе, художник сделал шаг назад, изучая внимательным взглядом правый угол картины. Эта часть рисунка обрела объем и словно выдвинулась, подалась вперед. Она начинала звучать.

Художник удовлетворенно вздохнул и снова взялся за кисть. Постепенно справа налево (так работала рука) картина обретала объем, и к запахам примешивались звуки. Картина начинала звучать – сначала появились шорохи листьев, затем запахи цветов смешались с жужжанием шмелей, где-то в траве застрекотали кузнечики. Все оживало и вот, наконец, картина стала живой и осязаемой. Казалось, коснешься листа, и он задрожит, затрепещет под рукой, дотронешься до травинки, и капля росы скатится прямо в ладонь.

Колокольчик задвигался под дуновением ветра, издавая легкий звон, запели в ветвях птицы. Из тени леса на авансцену вышли незаметные вначале грибы, ягоды и зверушки. Роса заблестела под лучом солнца и в зеленом ковре заиграла каждая травинка.

Художник отошел еще раз от своего творения и улыбнулся. Он стоял в тени, наблюдая, как на картине высвечиваются детали: как она звучит, вибрирует и уже живет своей собственной жизнью.

Люди – творцы своей жизни, не боги, но художники!

Иногда человек погружается в депрессию, меркнет свет и обуревают печаль, страх, сомнения иногда просто отстраняется, чтобы найти ответы, чтобы прозреть и увидеть новые краски, новые полутона.

Отстраниться, уйти в тень, чтобы оттуда увидеть! –

Увидеть забытые ресурсы, новые возможности и сделать еще один шаг навстречу мечте!

Кризис середины жизни – возможность уйти в тень, чтобы нарисовать свою картину жизни, обрести свой смысл и прожить его!

Однажды, где-то за океаном

Однажды, где-то за океаном далеко в горах случилась эта история...

Меж высоких величественных гор распростерлась зеркальная гладь озера. Горы обступили зеркало воды, будто защищая его от бурь и невзгод высокими туманными вершинами.

Воды озера, казалось, были невозмутимы, и ничто не могло нарушить водную гладь.

Но однажды на одной из горных вершин поселилась большая птица. Сначала она просто прилетала и подолгу сидела на вершине, глядя в небесную даль. Потом птица стала прилетать все чаще и теперь не просто усаживалась на горную вершину, а предварительно кружила над водной гладью.

Однажды птица увидела свое отражение в зеркале воды, и подивилась: какая большая, с огромными крыльями красивая птица кружила в воде. Птица вдруг почувствовала себя неуютно и вернулась на вершину скалы, чтобы понаблюдать за величественной птицей озера и, как только она это сделала,

птица озера исчезла. Долго она сидела на вершине и вглядывалась в водную гладь, но птица озера так и не появилась. Птица взмахнула крыльями и улетела.

На следующий день птица решила повторить свой маневр и стала кружить над озером, и к ее изумлению и радости увидела ту же величественную птицу в зеркале воды. Птица решила подлететь поближе, завороженная полетом прекрасной птицы озера и спланировала ниже и тут же птица озера оказалась так близко, что случайно коснувшись воды птица, потревожила озерную гладь. По воде побежали круги и та, что казалась такой близкой, вдруг исчезла.

Птица вновь поднялась на вершину и долго там сидела. То, что она нашла в горах, в зеркале горного водоема было для нее абсолютно ново.

На следующий день птица вернулась и, устроившись на вершине, опустила что-то среди скалистых выступов из клюва. Это были камешки. Камешки были разные – и поменьше, и покрупнее, округлые и плоские, белые и серые.

Птица взяла маленький плоский камешек и, поднявшись над озером, снова увидев полет большой птицы, она бросила туда камешек. И стала наблюдать. По воде побежали круги и изображение исчезло.

Затем птица вернулась на скалу и взяла камешек побольше и снова увидев в воде большую птицу, она бросила в воды озера теперь и этот камень. И так она проделала не один раз.

И вот, истратив все камни, птица взмыла в самую высь с величественным криком и пронеслась над горными вершинами.

Так далеко в горах над гладью озера одна скромная птица обрела себя и свой новый полет!

Внутренний мужчина

Эту неделю ей хотелось посвятить чтению и остановить этот безумный поток никому не нужных дел. Она сварила кофе и уселась в кресло с новой книжкой, укутавшись в теплый плед.

«Мир не рухнет, если я не потороплюсь и выпью лишнюю чашку кофе» - подумала она.

- Неужели! – вдруг воскликнул внутренний голос.

- Ой, это ты? – сказала она, прислушавшись. Давненько тебя не было!

В ответ он лишь усмехнулся:

- Или кто-то про меня забыл!..

- Дааа, правда, забыла. И твой голос тоже. А, знаешь, тебя не хватало.

- Вижу. – он опять усмехнулся (голос был мужской). Выглядишь, если честно, не очень. Наверное, напомнить было некому.

- Я растолстела??! – в ужасе воскликнула она.

- Нет, фигура у тебя отличная!

- А что же? – голос ее потеплел.

- Потухла вся как-то. Про себя забыла. Ты когда в последний раз перед зеркалом вертелась, а?

- Ты с ума сошел???! – она расхохоталась. Это было лет в двадцать, наверное.

- Не совсем, тебе было двадцать четыре...

- Точно! – воскликнула она, именно тогда я стала тебя отчетливо слышать.

- Вот, вот,- отчетливо. ...А потом задвинула меня на задворки.

- Прости, я правда про тебя забыла. ...На ее глаза навернулись слезы.

- Не плачь, ну я тоже виноват. Не должен был тебя оставлять. Но, ведь я не уходил, молчал только.

Она встряхнула головой, пытаясь этим жестом то ли смахнуть волосы с лица, то ли навернувшиеся слезы.

- Чего ж ты молчал?

- Ну, не совсем так... я перестал..., ты не слушала.

- ... Не слушала...

- Да, и не слышала тоже.

- Значит, надо было мне кричать!

- Кричать... да ты ведь если упрешься, разве тебя остановишь!? – то ли с горечью, то ли с усмешкой сказал голос внутри.

- Ну что я могу сделать, ну, упрямая, да. Характер в отца!

- Ну и чем ты гордишься? Стала вон, как мужик в юбке! А я, между прочим, орал тебе, когда ты замуж чуть не выскочила, только потому, что тебе «стукнуло тридцать семь»!. Дура!

- Сам, дурак!

- Ну, я то, понятно. А ты-то – умница и красавица, совсем спятила?! На свиданья забегала без разбору, лишь бы замуж. Говорю ж, - дура!

- Думаешь, зря? Так возраст... а мужа нет и детей тоже.

- Знаешь, дети это хорошо, но время назад не вернешь, и все еще возможно, а без уважения к себе ну кому ты нужна, пройдохам всяким, бездельникам, охмурителям на одну ночь и откровенным засранцем!

- Ха-ха, ты ж тоже вроде как мужчина, чего ж так собратьев своих распинаешь?

- Вроде как... Вот так ты на всех мужиков и смотришь, а распинаю, потому, что из-за этого «вроде как» ты за такого чуть замуж не выскочила.

- Ну, ведь и не выскочила. Упала, очнулась, - гипс. Валялась на больничной койке три месяца. А этот, представляешь, с моей подругой шуры-муры крутил! Теперь ни мужика, ни подруги.

- Мне спасибо скажи.

- Так это ты!? Ты мне перелом подстроил?

- Ну я, прости. Ну как тебя было остановить, если ты не слышишь?

- Ну, ну ты и козел! Да как ты мог, да кто тебе вообще позволил моим телом распоряжаться?!

- Я ж извинился. Вот опять, - козел... А этот твой жених – не козел? Ему ты и не такое позволяла со своим телом вытворять!

В ответ она разразилась громкими рыданиями, уткнувшись лицом в ладони.

- Где ты? –Спросила она, успокоившись.

- Здесь. Я всегда рядом.

- Всегда? – спросила она всхлипывая.

- Всегда. Я всегда с тобой. Только ты ж не слушаешь, веришь всяким сплетням. Тетки твои тебе в уши поют, а ты все на веру принимаешь.

- А как же без веры? Никуда человеку без веры , - утирая уголком пледа лицо, шептала она.

- Себе верь, глупая. Себе.

- А тебе можно? Вот говоришь, что глупая. Я уже и верю...

- Ну не дура, а! Вы только на нее посмотрите!

- Кто? Кто, посмотрите?

- Да, никто, успокойся, извини. Ну не прав. Ну, какие тебе еще слова нужны? Тебе что ни скажи, все не то.

- Ласковые нужны. И обнять. – она глубоко вздохнула и замолчала.

Он тоже молчал какое-то время.

- Ты здесь?

- Здесь.

- Побудь еще...

- Да куда я от тебя денусь! – рассмеялся голос.

И было в нем что-то такое родное и теплое, такая сила и поддержка исходила от него, что она успокоилась и заулыбалась.

- Слушай, а я выйду замуж? – спросила она.

- Выйдешь, - чуть ворчливо ответил он.

- А какой он будет?

- А какого ты хочешь?

- Нуууу, - протянула она, немного задумавшись, - Чтоб на тебя похож!

И чтоб с ним также тепло и надежно!

- На меня?... Так такой и будет! Вот дуреха! Ну как ты не поняла, что я – часть тебя, твое же творение. Ну, если я козел, то и таких же козлов ты себе находишь!

- Дааа? Я сама виновата?

- Ну не совсем так. Не только ты, но и все кто тебя растил и сейчас окружает. Просто, помнишь, были времена, когда ты информацию фильтровала и сердце свое слушала, а потом сильно умная стала, а разум, он, знаешь, лукавый.

- Значит ты у меня в сердце?

- Угу. В самом центре.

- И тебе можно верить.

- А ты как думаешь? – засмеялся теплый бархатный голос.

- Я тебе верю.

- Ну вот, и, слава Богу!

- Знаешь, я не думала, что так соскучилась. Тебя как будто не было тысячи лет!

- Человеческая жизнь короче...

- Да, жизнь коротка, а ведь столько еще хочется успеть!

- Ты ж решила не спешить?! – он опять засмеялся.

- Не буду. Ну, т. е. постараюсь. Трудно, знаешь, столько всего навалилось.

- Знаю. Но ведь есть те, кто хотел бы тебе помочь, а ты их не замечаешь.

- Я боюсь, я боюсь, знаешь...!

- Чего?

- Что придется за это платить...

- Ну, «здрасьте»! За что?

- Ну, за помощь... от мужчин.

- Ох, ну где ты этого набралась? Никто тебя не заставит! Если сама не позволишь!

- Правда?

- Правда.

- А ты не уйдешь?

- Я всегда рядом. Да и это, ты извини за перелом, так не хотелось тебя терять. Я боялся, что больше тебя такую не услышу...

- Я простила. Я поняла. Мне кажется, я никого так не любила, как тебя...

- Ну ладно, ладно...

- Правда! И как же мне жить с другим?

- Ну, ты же сама сказала, что хочешь, чтобы он на меня был похож.

- Хочу. И дурехой будет называть?

- Ну, это уж я не знаю, как сама решишь.

- Как сама... Ну, пусть, иногда... это лучше, чем перелом. Лишь бы ласково и чтоб не больно.

- Ну, отношений без боли не бывает. Вот ты про меня забыла, и мне было больно.

- Значит, ты меня любишь?

- ... Ну что ты глупости спрашиваешь.

- Значит, - любишь!

- ... Женщина... Ну, что мне с моста прыгнуть?

- Нет! – засмеялась она, - это ж мы тогда вместе, а я не хочу! Как ты хорошо сказал «женщина», а я и забыла уже...

- Вот и не забывай! Никогда, слышишь!

- Я постараюсь. Ты напомнишь, если забуду?

- Напомню.

- Я тебя люблю!

- Я тебя тоже.

Она вскочила, откинув плед, и пустилась в пляс, и пусть ей было без малого сорок, она прыгала как девчонка и вертелась перед зеркалом, доставая забытые наряды из распахнутого шкафа!

Похоже, она не забыла, что родилась на свет быть счастливой женщиной, и теперь это обстоятельство снова казалось ей прекрасным!

Корм

Оказавшись в какой-нибудь дыре, никогда не знаешь, где обретешь ночлег..

Трасса, залитая дождем. По скользкой дороге еле шурша, ползет старенький Рено. На севере Ирландии такое случается. Дождь затягивается на дни и даже недели.

Автомобиль медленно ползет в гору, а вдали виднеется деревушка, обозначаемая еле угадываемыми огоньками.

Ну, слава Богу! – вдыхает высокий мужчина с поседевшими волосами, ведущий автомобиль, - кажется впереди какая-то жизнь!

Дворники, похоже, с ума сошли! – кричит, сквозь ливневый шум, сидящий сзади подросток-брюнет с очками и прыщами на носу. Судя по его внешности, он сын водителя.

Господи, Боже! Зачем я только с вами всеми связалась! И угораздило же меня! – причитает, сидящая рядом с водителем полная дама. Она жена водителя и мать очкарика.

Доченька, как ты там? – обращается толстуха к сидящей рядом с подростком девочке, позеленевшей от дороги. Ее снова тошнит. Фуууу! – орет подросток,- Викки! Ты облевала всю машину! Ну и вонища!!! -Потерпи милая – ласково говорит ей мамаша. А ты Брэдди помолчи, гораздо хуже воняло в спальне, когда ты напился на выпускном со своими дружками-оболтусами.

В самом разгаре перепалки машина издает звук, похожий на запираание железных ворот в котором угадывается странное чавканье. Фу! Опять она что-то жрет! - орет Бред и поворачивается к сестре. Но зелено-белое лицо Виктории говорит о том, что ей сейчас не до еды. Она в ужасе смотрит на отца.

Уткнувшись лбом в лобовое стекло, он истошно орет, поседевшие волосы его заляпаны кровью.

-Мои глаза! Я ничего не вижу! – кричит водитель.

Сквозь пелену дождя и шарахающиеся из стороны в сторону дворники, просматривается черный ствол сучковатого дерева, с которым столкнулась машина.

Бред кричит – Папа! Папа! Что с тобой? И дергает дверцу машины. Дверь издает странный шипящий звук и медленно открывается. Викки при виде крови снова начинает тошнить.

Мамаша трясется в истерике, причитая – Милый, милый, ну что с тобой! Сейчас, сейчас, потерпи- и достает из бардачка смятые салфетки. Мадам Роже (так зовут жену водителя) пропитывает салфеткой кровь на лице стонущего мужа.

Тем временем Бред оглядывается и направляется вперед, освещая фонариком дорогу. Продираясь сквозь дождь, он видит в луче фонаря выпрыгнувшую из темноты черную кошку.

Ух! – шарахается парень от неожиданности, и падает, поскользнувшись, на пятую точку.

- Кошка! ...Значит деревня совсем рядом!

- Мама! - кричит Бред, возвращаясь к машине, деревня где-то рядом. Я побегу за помощью!

- Будь осторожен сынок, - отвечает, плачущая мать. На коленях ее покоится забинтованная голова мужа, который издает редкие стоны. На заднем сиденье трясется бледнолицая Викки.

Парень исчезает в промокшей тьме. Два раза мелькнув в темноте, фонарик исчезает из вида.

Быстрее, надо быстрее найти деревню и позвать людей. – шепчет Бред, загребая кроссовками дорожную жижу.

Вот, дорога сворачивает, - подбадривает он себя, - деревня совсем близко.

Неподалеку от дороги стоит высокое двухэтажное здание с витыми перилами и балкончиками на втором этаже. В окне справа на первом этаже еле мерцает свет.

Бредди бросается к дороге и наталкивается на незамеченный им куст и в тот же момент отскакивает с криком. Из куста в разные стороны с истошным мяуканьем выпрыгивают кошки.

Прижавшись к стене, он бледнеет от ужаса, наблюдая, как кошки всех мастей подкрадываются к нему, будто окружая. Кажется, что некоторые из них издают как будто где-то слышимый им звук – «чав-чав».

Бред отступает и прижимается к стене плотнее, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

Коты, а их штук двадцать, не меньше, сужают кольцо, подкрадываясь все ближе.

Бред чувствует как на него накатывающий леденящий ужас и вжимается в стену.

Черный усатый полу-плешивый кот подкрадывается ближе и впивается зубами Бреду в ногу.

Помогите! – орет парень, пытаясь отбиться от кровожадного животного.

Еще двое кошачьих начинают отступать назад, готовясь атаковать свою жертву.

В этот момент дверь дома распаивается и на пороге появляется высокая стройная женщина с гибким как у кошки телом.

- Брыыыссшь! – кричит она, и кошки разбегаются в стороны.

- Бедный мальчик, - говорит она, обращаясь к Бреду.

- Убери малышей, что-то они сегодня слишком голодные – тут же добавляет женщина, на сей раз, обращаясь к возникшему за ее спиной мужчине.

- Вряд ли он ее муж, - думает Бред, - она слишком уважаема на его фоне.

- Это мой садовник, Эдд, - словно прочитав его мысли, говорит она Бреду, беря его за руку.

- Эдвард, собери малышей, пусть посидят в подвале! - командует она ему.

- Проходите в дом, милый молодой человек, - кажется, вам требуется помощь, мурлыкая протягивает леди.

- Как же вас занесло сюда в такую пору? В наше захолустье? Ха-ха-ха! – смеется женщина, оскалив белые зубы, заметные даже в сумерках.

Она проводит Бреда через темный коридор в слабоосвещенную гостиную.

- Ясмина,- принеси воды и бинты – кричит она, медленно хлопая в ладоши.

На пороге проема в конце длинной гостиной комнаты появляется женщина с полноватыми руками в белом.

Она приносит бинты и воду и усаживает Бреда на стул и протягивает ему стакан воды.

- Выпейте, это вода и капли валерианы, - они вас успокоят, - говорит женщина в белом, снимая ботинки подростка, и начинает медленно промывать рану.

Касания мягких рук и настой валерьянки успокаивают Бреда, и он как будто впадает в полудрему.

Все начинает плыть у него перед глазами и мягкий белый пушок над губой Ясмину кажется ему усами, а руки кошачьими белыми лапами.

Хозяйка, тоже, словно большая черная кошка, подходит ближе и Бреду кажется, что он слышит сладкое мурчание за спиной.

- Спасибо, Ясмину, говорит «черная кошка».

- Будем знакомы, молодой человек, я - леди Яства, - можете называть меня просто Кэт, - и протягивает ему лапу.

Бред, словно окутанный мороком, встряхивает головой и видит в своей руке женскую ладонь с длинными пальцами и такими же ногтями, окрашенными черным лаком.

- Я - Бредди – смущенно говорит парень.

- Будем знакомы – улыбается леди Кэт.

- Мои родные! – словно спохватывается Бред.

- Не переживайте, за ними уже послали – отвечает хозяйка.

- Но! – пытается возразить Бред.

- Такое в нашем захолустье не редкость, милый мальчик, хотя гости у нас бывают и не часто.

А сегодня такая ночь – говорит хозяйка, убаюкивающим голосом, и Бреду кажется, что вдоль ножек стула проползает большой черный кошачий хвост.

Парень мотает головой и видит, как в двери вносят носилки.

-Папа! Бросается он к отцу, которого переносят два молодца в строительных комбинезонах и бабочках.

- Как ты, папа? - Спрашивает сын отца.

- Ничего, ничего, сынок, только пелена какая-то перед глазами – отвечает водитель старенькой Рено, из которой, как Бред видит через окно, выходят его полная мать и зареванная сестра. Бред выбегает, прихрамывая, на улицу, чтобы помочь сестре и матери, которых встречает уже Эдвард.

- Мама, Викки! Как вы? Знакомьтесь, - это леди Кет, это она позаботилась о вас. – твердит Бред, показывая в сторону хозяйки.

- Успокойтесь милая – говорит леди Кет, наполняя два бокала из знакомого уже Бреду графина с настоем валерианы. Выпейте, - это помогает.

- Правда, Бредди? - подмигивая зеленым глазом, говорит она уже мальчику.

- Не бойся, мама, все в порядке. Это валериана. – подтверждает Бред.

- Сейчас вас проводят отдохнуть, обращаясь к Бреду и его родне говорит леди Кет.

- А мой муж? Как он? – спрашивает мадам Роже.

- Не волнуйтесь, ему окажут необходимую помощь – успокаивает ее леди Кет.

Всех проводят в комнаты. Гаснет свет.

Бред, лежа на широкой кровати, ворочается в постели. Ему кажется, что он снова слышит чавканье и стоны отца.

Он встает с постели и крадется по коридору. Навстречу ему попадают два высоких красавца в комбинезонах и с бабочкой.

- Чего не спишь? – говорит один, лохматый, странно косясь на его поврежденную ногу.

- Мало ему – смеется другой.

- Ничего, ничего, после завтрака пройдет! – вторит ему лохматый.

Бред уходит к себе в комнату, а двое в комбинезонах продолжают свой путь дальше по коридору, в направлении, где раздаются стоны.

Бред слышит удаляющиеся слова, брошенные одним из них:

– Давай поспешим, мужчину кормить не будут, все равно не жилец, а я падаль не люблю.

Обернувшись им вслед, Бред видит на стене две большие расползающиеся тени, напоминающие котов на задних лапах.

... Странно, думает подросток, - наверное, это действие валерьянки... и уходит к себе в комнату.

Бреду удастся заснуть.

Утром его будит звук колокольчика.

- Доброе утро, позевывая и облизываясь, говорит ему Ясмينا, просовывая голову в дверную щель.

- Вас все ждут на завтрак!

Бред прыгает с кровати и одевает приготовленную одежду, аккуратно сложенную на прикроватной тумбочке.

Одежда кажется ему великоватой, но голод и желание увидеть родных, заставляют его последовать за Ясиной.

В большой гостиной голубого цвета, как видно при дневном освещении, за столом, сидят его мать и сестра, одетые в похожие на такие же как у него, черно-белые чуть великоватые одежды.

Во главе стола восседает леди Кет вся в черном с белыми манжетами и белой бабочкой. Рядом по правую и левую руку сидят мужчины и женщины в таких же бабочках.

В некоторых из них Бред узнает Эварда и двоих молодцов, встреченных им ночью.

- Вот и все в сборе – протяжно говорит леди Кет, - можем начинать!

Стол ломится от яств, от которых исходит какой-то дурманящий запах

- А папа? – спрашивает Бред сестру, сидящую справа от него.

- Леди Кет сказала, ему нужно оставаться в постели. Обещала, что его хорошо накормят –отвечает сестра.

Запах пищи ударяет Бреду в ноздри и он, сам того не замечая набрасывается на еду.

Постепенно он чувствует, как тело его наполняется невероятной сытостью и становится каким-то плотным.

Костюм как будто сдавливает его и поднимая голову он видит, что его сестру и мать на глазах будто разносит. Лица их округляются и лоснятся.

Лохматый из комбинезона обращаясь к матери Бреда, облизываясь, говорит:

– Мадам, позвольте вашу руку.

Мадам Роже протягивает руку и в ужасе, увидев как она распухла, пытается отнять ее у лохматого, но тот с остервенением и шипением вгрызается в нее.

Бред отпрыгивает от стола, опрокидывая тарелку.

- Что это за дрянь? – кричит он.

- Корм, корм, корм – раздаются со всех сторон шипящие и мурлыкающие звуки.

Он видит, как на него надвигаются эти странные люди во главе с леди Кет.

Она приближается к нему и открывает свою кошачью пасть.

Сознание куда-то проваливается и Бред слышит сквозь настойчивое мурлыканье: «никогда не знаешь, где обретишь ночлег».

Сквозь пелену Бред слышит вопли сестры: «Мам, этот придурок, опять оставил кошку на улице!».

Он открывает глаза и видит мокрую черную кошку, трущуюся об угол кровати.

- О! Кетти! Прости! Сейчас, сейчас, я тебя накормлю.

Бред встает и наполняет стоящую в углу миску кормом.

- Фу! – говорит он, - Какая это должно быть гадость, Кетти, обращаясь к кошке.

Кошка трется о его ноги, нежно мурлыкая.

- Господи, ну и приснится же такое! - бубнит Бред, отправляясь в ванную.

Из ванной раздается голос сестры:

- Эй, ты прыщавый придурок, вынеси лоток и покорми кошку! А то отец вернется с работы, сам тебя Кетти скормит!

- Нет уж, пожалуй, не надо!

- Прости, Кетти, еще раз обращаясь к кошке, говорит Бред, ласково беря ее на руки.

- Мууурррррр – протяжно раздается ему в ответ.

Согревшаяся Кетти, прыгает с колен Бреда и подходит к миске.

- ЧАВ-ЧАВ-ЧАВ – раздается знакомый звук.

- Как ты ешь эту гадость?! – смеется парень.

Деревенские зарисовки

Плюша

В доме на берегу озера в летнее время становилось оживленно. То приезжали, то уезжали многочисленные родственники и друзья.

Среди бесконечной человеческой суеты царила серая с густым подшерстком кошка. То ли за него, то ли за сплюснутую морду кошку прозвали Плюша.

Она существовала вместе с людьми, но и отдельно, - по своим кошачьим законам. Кошка сама выбирала, где спать, когда и где гулять, и если натыкалась на закрытое помещение, выражала открытое недовольство громким мяуканьем. В общем, как и полагается кошкам, была сама по себе.

В один из солнечных дней Плюша дремала на диване, вытянув лапы. Если бы не сладкий сон, то уже давно выскочила бы на улицу.

Там, на улице, творилось невероятное: по тропинке, ведущей от озера к дому стройной вереницей поднимались утки. Утки всем своим обликом соответствовали сезону. Был август. Лето подходило к концу. Утки были большие и упитанные, но шли чинно вразвалочку и очень целенаправленно. Создавалось впечатление, что, чем больше тропинка устремляется вверх, тем быстрее и увереннее шагают утки. Казалось, что утки сошли с ума. Утки были дикие.

Жители деревенского «побережья» давно привыкли к ним. Уже несколько десятков утиных поколений благополучно сосуществовало с людьми. То ли это был эффект генетической памяти, то ли результат импринтинга, но каждый год на берегу появлялась утиная семья из пяти-семи особей. Каждое утро они просыпались и спрыгивали с мостков в воду, а когда садилось солнце вновь укладывались на деревянном покрытии, спрятав голову под крыло.

Люди подкармливали уток и порой, когда высокий человек из большого дома бросал уткам хлеб, они поднимались ко двору, но все же с опаской, и, съев хлеб, устремлялись снова к воде, кто пешком, а кто полетом.

Когда утки летели, в воздухе раздавался характерный свистящий звук, знакомый многим охотникам. А вот бегали утки смешно, - переваливались с боку на бок, как большие лодки, вдруг оказавшиеся не в своей стихии.

С тех пор, как высокий человек кормил уток прошло почти двадцать лет и утки стали наглее. Высокого человека давно не было, но в доме каждое лето собирались его потомки. Утки знали, что люди, спускаясь к воде не оставят их без хлеба и наверх особенно не ходили.

В этот раз все оказалось иначе и утки сами устремились к людям в поисках легкого пропитания. Они шли, поднимаясь все выше и выше, и когда уже почти поравнялись с домом, на диване внутри потянулась кошка.

Кошка проснулась и будто что-то учуяв, заволновалась. Глядя на нее ни один наблюдатель не обнаружил бы кошкино состояние; ни один мускул не выдал бы ее, если бы не хвост. Хвост кошки – это барометр настроения.

Плюшин хвост ходил ходуном. Кошка нервно постукивала кончиком хвоста по дивану. Казалось, какой-то древний дух разбудил в ней дремавший охотничий инстинкт, и абсолютно домашнее животное на глазах превратилось

в дикого зверя. Надо сказать, что Плюша питала особую страсть к птицам, и частенько пристально наблюдала за мелкими пташками из окна городской квартиры или подкарауливала их во дворе деревенского дома. Наблюдения за птицами неизменно сопровождались дрожанием челюсти и постукиванием зубами.

В какой-то момент, как раз когда утки вплотную подошли к дому, кошка, почуяв птичий дух, прыгнула и выскочила на улицу. Началась охота! Утки были совсем близко, но кошачий инстинкт несуетлив и осторожен. Кошка медленно подкралась к цветочной клумбе, которая обеспечивала ей надежную защиту. Утки какое-то время ходили у дома, ничего не подозревая.

Кошка, крадучись сменила дислокацию, укрывшись за синей бочкой с водой. Теперь она была совсем близко к своей добыче. Выбрав в качестве объекта трех жирных уток, она пристально за ними наблюдала. Все ее существо превратилось во взор и слух древнего охотника. В этот момент кошка походила на изваяние с горящими немигающими глазами. Это была уже не домашняя Плюша, а Сфинкс.

Но и у уток был свой инстинкт. В какой-то момент трое из них вспорхнули, сделав полукруг над садовыми кустарниками, приземлились у озера, а четыре из «стаи» устремились ниже к огороду.

Добыча улетела, но оставались еще четыре. Сфинкс, вышла из оцепенения, переступив с лапы на лапу. Спина ожила и по холмам шерсти, под которыми угадывались лопатки, пробежала медленная волна. Недолго она еще смотрела на тех троих, которых упустила, гулявших по берегу, но затем вновь собралась и устремила желто-зеленые хищные глаза на четверых беспечных уток.

Немного терпения и, рывок, - кошка рванулась ближе, надеясь укрыться за садовыми качелями. Еще бы чуть-чуть и следующий бросок стал бы

кульминационным. Но качели оказались ненадежным укрытием, т. к. накрывали лишь сверху, образуя сплошной просвет. Кошка словно на арене оказалась прямо перед утками. Утки вспорхнули, оставив на кошачьей морде неприкрытое разочарование. Долго она еще водила головой из стороны в сторону, а левая лапа так и застыла в воздухе, будто зафиксировав несостоявшееся мышечное движение.

А за кошкой наблюдал человек – женщина средних лет. Это была внучка высокого человека, который построил когда-то дом на берегу озера.

Женщина смотрела на кошку, уток, знакомый с детства двор, забавлялась происходящим и размышляла о природе хищника.

Что же так привлекает кошку – добыча или охота?....

Живешь себе, живешь...

Где-то летаешь, летаешь и вот! – Родился.

Родился, ешь, орешь, ходишь под себя и все время чего-то хочешь. В общем, живешь себе, живешь.

Вот почти перестал орать. Засмеялся, пошел, заорал «Дай!», сжимая кулачки, схватил, побежал. Думаешь, что это, то, что схватил, и есть то, что надо.

Разочаровался, бросил, опять заорал, снова побежал.

В общем, живешь себе, живешь.

Потом садик, а там какой-то лысый тебе лопаткой по голове! Опять орешь. Опять надо. То ли лопатку, то ли врезать лысому.

Перестал орать, бросил и лопатку и лысого, забыл.

Захотел понять.

Зимой захотел понять, что будет, если губой припасть к железной качели. Припал, прилип, оторвал и снова орешь! Летом захотел в стеклянку песка. Насыпал, сидишь в песочнице – крышку закручиваешь. Блиииин! Песком по стеклу, но терпишь. Морщишься, терпишь, скрипишь. В общем, живешь себе, живешь!

Школа. А там бабах! Портфелем по голове, тебе. И ты бабах, чем придется уже волосатого. Опять орешь.

Учительница тебе два в дневник. Домой приходишь и опять бабах, но уже не по голове. По самому мягкому. Стоишь в углу, реवेशь. Живешь, в общем.

Выпускной. Пьешь что-то в туалете, танцуешь, плохо, но танцуешь! В общем, - живешь!

Институт. Живееешь! Пьешь не только в туалете.

Экзамен не сдал, - пьешь, сдал экзамен – тоже пьешь. Влюбился – пьешь! Разлюбил – пьешь! Разлюбили – пьешь еще больше. Уже не орешь, но также чего-то хочешь и пьешь.

Выпустился. Напился, лежишь.

Встал. Пошел на работу.

После работы пришел. Скучно. Выпил или заболел. Хандрой заболел.

Теперь вы вместе – ты и хандра.

В школе думал «На Ленке женюсь!». А теперь в обнимку с хандрой.

Пришел. Средний возраст пришел. Ленки нет, работы нет, выпить нет и не с кем. Может с Ленкой? Ленка замужем и не пьет.

Думал, придет средний возраст, будем с Ленкой в обнимку, два карапуза бегают из угла в угол.

Ленки нет, и карапузов нет. Есть пузо и часы из угла в угол: Тик-так, тик-так!

И кот на часах ухмыляется.

Ботинком часы остановил. А кот все ухмыляется.

Кручинишься. Злишься. Орешь! Один орешь, навзрыд.

Думал старость придет, будешь ее в обнимку с женой встречать, с детьми, а она вон тут, почти на пороге.

Придет старость, и будешь в обнимку с Паркинсоном, Альцгеймером и котом.

Ботинком в кота, чтоб не ухмылялся, гад!

Старость. Лежишь с приступом, умираешь. Орешь, плачешь, ходишь под себя. Чего-то хочешь. Понимаешь, что поздно, но хочешь. То ли жалеешь, что лысому по голове не дал в саду, то ли, что на Ленке не женился.

Ключи от счастья

Жила-была на свете, маленькая девочка, и как все, она искала счастье...

Девочка была похожа на головоломку.

- Такая игра, где тысячи входов и выходов, дом, где много разных: больших и маленьких, старинных и современных, тяжеловесных и легких, помпезных и скромных дверей, и к каждой, свои ключи.

Какие-то двери в этом доме легко открывались и впускали гостей, какие-то открывались старыми ключами, которых хранили ее родители, иные были заперты и ждали своего часа. Иногда девочка теряла ключи и потом долго не могла попасть в некоторые комнаты таинственного дома. У нее вообще была привычка разбрасывать вещи. Очень часто она оставляла что-то свое в чужих домах.

В одном доме она потеряла слезы, в другом смех, еще в одном – любимое платье, в нескольких домах растеряла веру. И когда она вдруг совсем потеряла надежду, она пришла в один дом, где оставила последнее, что у нее было – старый гербарий. Это не была коллекция из засушенных растений. В этом гербарии был только один цветок, который давно засох, и девочка уже не помнила, где, когда и при каких обстоятельствах нашла этот цветок. Но она чувствовала, что этот цветок какой-то особенный и очень важный для нее.

В какой-то момент она захотела забрать цветок, в который надеялась вдохнуть жизнь, но хозяин дома не отдал ей его. И девочка ушла. Ей не нравился этот дом. А засушенный цветок остался ...

Девочка вернулась в свой дом, чтобы отыскать что-то, чтобы ей напомнило о том цветке, т. к. мысли о нем не давали ей покоя. Она ходила по дому, открывая одну дверь за другой в поисках сама не зная чего. Какие-то двери она открывала быстро, но не находила там ничего, чтобы ей напоминало о цветке. Другие требовали усилий. Иногда приходилось искать потерянные ключи, чтобы потом, наконец, открыть нужную дверь.

Она потратила много сил и времени и так и не смогла найти. Но когда она спустилась на самый нижний этаж дома, она вспомнила, что еще ниже есть подвал, в который ведет маленькая, забытая ею дверца. Эта дверь никогда не открывалась.

Девочка обрадовалась и ринулась вниз, НО ключа у нее не было. И тут она снова вспомнила о цветке...

Много лет назад она встретила мальчика, который услышал от нее одну историю, и тогда-то дверь подвала приоткрылась – это была дверь ее сердца.

Она открыла свое сердце тому, кого совсем не знала, но кто показался ей таким близким и родным. Потом дверь захлопнулась, и, девочка про нее забыла.

И теперь ей захотелось распахнуть эти двери! И как только она все вспомнила, она нащупала что-то твердое в кармане платья. Это был тот единственный ключ, который она так долго искала.

Она открыла дверь в подвал и вошла – на нее хлынул поток солнечного света. Свет вырвался из подвала и осветил весь дом! В самой глубине темной

комнатушки рос прекрасный цветок, он был и прост и невообразимо прекрасен и источал удивительный свет.

Тот мальчик не ушел из маленькой комнаты навсегда, как думала девочка. Он оставил в ее сердце частицу себя – прекрасный цветок, дарующий счастье!

Почему странный хозяин странного дома не отдал ей гербарий? – Девочка улыбнулась, когда эта мысль пришла в ее голову, ведь он так напоминал ей того мальчика. Она открыла двери, мысленно отпуская своего «пленника», но он как будто не хотел уходить.

Девочка опустилась на колени перед цветком, и прошептала самую главную молитву, которую знала: «Я люблю тебя!» и полила свое сокровище родниковой водой. Внутри нее открылся родник. Это была чистая прозрачная ЖИВАЯ вода, которую люди называют просто - ЛЮБОВЬ.